

З. Н. Иванова

ДИСКУССИЯ О ФРАНЦУЗСКОМ ДВОРЯНСТВЕ В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вопросы новой и новейшей истории.

Республиканский междуведомственный науч. сборник.

Вып.29. Киев: изд. при КГУ «Вища школа». 1983. С.108-115.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения 2004*

Середина XVIII в. была одним из сложных периодов в экономической и социальной жизни Франции. Все явственнее становилась слабость и бездарность королевской власти, бессильной управлять страной в интересах нации [4, 304—305].

Проницательные современники видели, что в стране слишком много злоупотреблений, несправедливости, несчастий, что народ нищ, обездолен и бесправен. Маркиз д'Аржансон писал в своем дневнике в 1747 г.: «Королевство разорено, все деньги, собранные в провинциях, стекаются в Париж и исчезают в королевских долгах; в провинциях нет никакого земледелия, никакой коммерции, в них мало людей [11, 8]. В 1758 г. аббат де Верни, государственный секретарь департамента иностранных дел, отмечал, что страна приходит к последнему периоду упадка» [5, 286]. Необходимость перемен чувствовали все, критические настроения усиливались, идеологическая борьба стала исключительно острой.

Перемены затронули и дворянство, которое в середине века проявляет активность в социально-экономической (феодалная реакция) политической и идеологической сфере. Заметнее стали те различия внутри второго сословия, которые делали деревенского сеньора более чуждым вельможе, чем богатый откупщик или банкир, хотя и гранд, и идальго принадлежали к привилегированным. Эта ситуация очень беспокоила идеологов дворянства; началось энергичное обсуждение возможных путей выхода из кризиса. Один из путей идеологи дворян видели в приобщении последних к предпринимательству и торговле. Однако чтобы добиться этого, необходимо было преодолеть предрассудки, укоренившиеся в сознании дворян, их страх утратить свой благородный статус и свои привилегии, поскольку торговля считалась занятием, недостойным дворянства (*dzrogeance*).

Выступление аббата Куайе в 1756 г. с сочинением о торговом дворянстве не выглядит чем-то случайным и эпизодичным [14]. Оно приобрело большую известность лишь потому, что открыло полемику - сразу же появилась книга, атакующая его принципы с диаметрально противоположных позиций - «Военное дворянство, или Французский патриот» шеваляе д'Арка [10].

Авторы, вступившие в дискуссию, хотели не просто философски поразмыслить над неким отвлеченным сюжетом. Они практически рассматривали проблему, имея в виду конкретные политические цели: содействовать перестройке жизненного уклада дворянства и его взглядов, чтобы, во-первых, сохранить за ним права господствующего, привилегированного сословия и, во-вторых, вернуть то, что оно утратило в процессе углубления кризиса феодально-абсолютистского строя. Они привлекли для доказательства своих идей примеры из античной и современной истории, выказали понимание актуальности обсуждаемой проблемы и сделали выводы, позволяющие судить о положении дворянства во французском обществе середины XVIII в.

Сочинения аббата Куайе и шевалье д'Арка изучали советский историк Л.С.Гордон [13] и французский исследователь Ж.-П.Бранкур [12]; значительное внимание проблеме *dzrogeance* уделяет Г.Ришар [21], трактующий вопрос о деловом дворянстве в широком экономическом и социальном плане, следуя теории слияния верхов дворянства и богатой буржуазии в некую элиту, лишенную четких классовых признаков, в страну, которой чужды свойства класса*.

Аббат Куайе выступает как просветитель, верящий в силу разума. Он полон желания внушить дворянам мысль о том, что предрассудки пагубны, традиции нелепы, что важны новые понятия, выработанные временем, и необходимо уничтожение обычая тех варварских времен феодального правления, когда дворянство удерживало половину Франции в недостойном рабстве. Оно тогда не нуждалось в коммерции, ибо владело всем, землями и людьми; оно думало лишь о том, как нападать или защищаться, и шпага казалась самым важным орудием в государстве [14, 9]. Однако подчеркивает аббат Куайе, положение изменилось. Дворянство разделилось на две группы: немногих, живущих среди роскоши и великолепия при дворе, и тех, кто страдает в провинциях, мешая свои слезы со слезами крестьян [14, 22]. Земли этих дворян плохо обработаны или вовсе не вспаханы, в хлевах нет скота, плоды жатвы идут за долги, замок вот-вот обвалится на хозяев, дети не могут получить образования.

Что же следует делать, чтобы предотвратить полное обнищание дворянства? Необходимо, считает Куайе, снять с торговли печать неблагородства, сделать выгоду, доставляемую ею, источником процветания - личного и общественного. Торговля поведет к улучшению обработки земли, росту пашни, увеличению потребления, укреплению флота и армии, а также и к исправлению нравов. Праздность, в которой пребывает дворянство, - источник разврата и пагубных страстей; коммерция научит жизни деятельной, полезной, все станут богаты и счастливы. Надо лишь отказаться от варварского и нелепого предрассудка об осквернении; аргонавты искали золотое руно в дальних краях, англичане нашли его у себя на родине, - надо последовать их примеру.

Следует отметить, что современные исследователи Ж.Мейер и П.Губер предлагают осмыслить идею тотальной бедности дворянства [19]. Бедность дворянства бросалась в глаза современникам, однако не повсюду ситуация была одинаковой, и нельзя ее обобщать, как это делал в полемическом азарте аббат Куайе. Ж.Мейер справедливо указывает, что бедность была реальна, ибо существовали дворяне-плебеи, но она была относительна, если принимать во внимание отношения внутри сословия и вне его, с буржуазией, в частности: чем беднее выказывал себя дворянин, тем вернее в его пользу решался вопрос о налогах; для одних это был вопрос жизни, для других - престижа. Интендант Никол Ламуаньон в 1698 г., перечисляя дворянские семьи Лангедока, не может назвать среди них и дюжины с доходом свыше 12 тыс. ливров и настаивает на их бедности [13, 248].

Г.Шоссинан-Ногаре составил таблицу по 13 генеральством, в которой указаны категории дворян по получаемому ежегодному доходу: свыше 500 ливров имели 24 фамилии, меньше 10 ливров - 1003; большинство располагалось между этими полюсами. Более 5000 семей, считает он, жили в пределах (или на краю) благопристойности [15, 22]. Таким образом, понятие обедневшее дворянство наполняется социальным смыслом.

Современники аббата указывали на отсутствие в его сочинении системного подхода. В возражениях, выдвинутых современниками, особенно заметны опасения по поводу фундаментальных принципов политического устройства Франции. Если честь - основа монархии, а носителем чести является дворянство шпаги, то внести в него дух коммерции - значит потрясти основы монархии. Ф.-М.Гримм писал: «Куайе похож на врача, убившего своего больного, чтобы исцелить его от страданий».

Защитники дворянской чести искали поддержки в авторитете Монтескье, который указывал: «Люди, прельщенные тем, что делается в некоторых государствах, полагают, что во Франции следовало бы издать законы для поощрения дворян к торговле. Но таким путем можно было бы только погубить дворянство этой страны, без всякой выгоды для ее торговли» [7, 443].

Противники Куайе считали, что осуществление его системы приведет к смешению сословий, опасному в обществе, разделённом по иерархическому принципу. *Dzogeance* был одним из факторов равновесия. Характерно, что купцы, негоцианты, мануфактуристы были противниками включения дворян в предпринимательскую деятельность. Они резонно считали, что привилегии, сохраненные за дворянами (в особенности налоговые), создали бы для них преимущества в конкурентной борьбе. В 1757 г. при обсуждении проекта эдикта, облегчающего дворянству возможность начать крупную торговлю, парламенты и интенданты провинций высказывались довольно осторожно, а некоторые определенно заявляли, что данное дворянам право торговать не принесет пользы, а лишь причинит зло [21, 62—63].

Безусловно, во Франции были группы дворян-негоциантов (в Гавре, Руане, Ла Рошели, Бордо, Марселе), которые занимались крупной заморской коммерцией, в том числе работоторговлей (Ж. Мейер доказывает это на примере Бретани) [20]. Однако этот процесс лишь начинался и достиг внушительных размеров накануне революции. В исследуемый период во Франции еще не сложилась категория торгового дворянства.

Проблема может рассматриваться и с точки зрения той эволюции, которую претерпевало дворянское сословие во Франции в течение XVI—VIII вв. В среде дворянства к середине XVIII в. уже было значительное число аноблированных фамилий, составивших со старым, родовитым дворянством и верхушкой буржуазии (утратившей свои специфические классовые черты) господствующий класс феодально-абсолютистской системы [17].

Процесс постепенного изменения роли родовитых, знатных, старинных семей, превращение аноблированных в численно преобладающую массу и влиятельную силу в дворянском сословии можно проследить, анализируя дворянские ассамблеи в XVII — XVIII вв. Ж. Лассень на основе тщательного исследования большого массива источников приходит к выводу, что если негодование против аноблированных, которые приобретали земли и титулы самых благородных и старинных семей королевства, в 1614 г. выражено очень сильно, то постепенно этот вопрос перестает волновать ассамблеи; потомки аноблированных чувствуют себя прочно вросшими в генеалогическое древо. В ассамблее 1716—1717 гг. (последней дворянской ассамблее) дворян старинного происхождения было очень мало [18, 59, 140].

Землевладельческая знать, старая и новая, замкнулась в своей родовой гордости и не желала ею поступаться. Упорство в столь нелепом предрассудке, как *dzogeance* было проявлением того типа социальной психологии, с которым связано бытие дворян с незапамятных времен.

Дворянство выдвинуло из своей среды защитника идеалов привилегированного сословия, теоретика, который должен был обосновать ценности разрушавшиеся необратимым движением жизни. Таким идеологом дворянства выступил шевалье д'Арк, книга которого должна была послужить опровержением доказательств аббата Куайе о выгодах торговли для дворянства. В предисловии книги отмечалось, что автор стремится спасти от гибели монархию, ибо как ревностный гражданин и верноподданный, он не отделяет в своей душе государя от родины, и интерес частный от государственного [10, 5].

З. Н. Иванова

ДИСКУССИЯ О ФРАНЦУЗСКОМ ДВОРЯНСТВЕ
в ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Vive Liberta и Век Просвещения 2004

Основная идея д'Арка заключалась в том, что монархия - это наилучшая политическая система. Абсолютная и опирающаяся на законы власть создает самые благоприятные условия для жизни. Дворянство с его принципом чести - необходимый элемент монархии без которого она деградирует. Эту мысль пытался обосновать и Монтескье. «В монархии, где нет дворянства, монарх становится деспотом» [7, 176], а позднее она прозвучала в Энциклопедии: «Всякая монархия, где совсем нет дворянства как части государства - чистая тирания; дворянство некоторым образом входит в суть монархии, для которой главное правило следующее: без дворянства нет монарха, но есть деспот, как в Турции» [16]. Желая возрождения принципа чести и достоинства дворянства, д'Арк полагал, что это будет благом для всех, ибо повлияет на восстановление нравственных ценностей.

Второй принцип д'Арка (также своеобразное мировоззренческое клише) заключался в патернализме и божественном законе, предписывающем государю быть истинным отцом своего народа как одной большой семьи.

Оценивая это качество социальной психологии века, А.З.Манфред пишет что сам принцип монархии, институт наследственной королевской власти для большинства французов еще представлялся неоспоримым. В народе и среди темного, забитого крестьянства и среди городской бедноты, и в зажиточных кругах буржуазии - и за пределами третьего сословия, в рядах привилегированных - провинциального дворянства, духовенства, еще жила традиционно наивная вера в доброго, справедливого короля [5, 59].

Много лет спустя, когда отгремят грозы Великой Французской революции дворянство произведет переоценку духовных ценностей. Утратив старые символы моя религия и мой король, оно вольется в нацию с новым духовным символом: земля и могилы близких [8, 135].

Защищая дворянство, д'Арк твердо стоит на том, что меркантильность, алчность не присущи монархии и не должны вноситься в дворянство [10, 13—14].

Шевалье д'Арк полагает, что французское общество состоит из трех классов, пребывающих в строгой иерархии, нарушение которой приведет к хаосу и бедствиям, ибо различия этих «классов» и их внутренняя структура зависят от общественных функций, исполняемых ими [10, 31—32]. Дворянство Франции, считал д'Арк поддерживает славу государя и нации, защищает тех, кого повседневный труд призывает обеспечивать пропитание нации. Любовь к чести не есть плод рассудка, она живет в сердце и движет благородным человеком, удаляя его от коммерции.

Интересно отметить, что, защищая дворянство и обосновывая его роль в обществе, д'Арк считает возможным сделать честь основой для создания во Франции промежуточного сословия - негоциантов, занимающихся крупной заморской торговлей. Что возвышает их над сословием производительным и приближает к дворянам? Риск, опасности, которым они себя подвергают, а также честность и верность слову. Однако коммерсант, отмечает д'Арк, возвышенный до дворянина, не может быть интегрирован в сословие [10, 56—57].

Упорное возвращение д'Арка к идее воинской чести, к идее службы можно считать свидетельством сдвигов, которые уже произошли в дворянском сословии. Шевалье был идеологом тех кругов, которые отделились от придворных и вельмож, а также от чиновных категорий. Не имея богатства, недостаточно образованное, с узким кругозором, это измельчавшее дворянство шпаги пыталось опереться на военное ремесло как единственное занятие, достойное джентльмена. Д'Арк уловил созданный воображением этих людей облик рыцарственной касты, непроницаемой для яда роскоши и наживы, который источался обществом, - ибо и в армии уже царил дух развращения богатством. Дворяне не могли поддержать свое положение и сделать военную карьеру, их отодвигали разбогатевшие ротюрье и придворные, без счета швырявшие золото. Армия, надеялся д'Арк, обновленная смелостью и доблестью дворянства, возродит сословие, восстановит в нации дух чести, с корнем вырвав из нее торгашеские понятия.

Д'Арк уловил умонастроения своей эпохи, понял опасность, грозившую его сословию и ставшую реальностью в его время, - утрату монархией опоры в дворянстве - и предложил свой путь исправления зла, желая включить дворянство в движение времени, приспособиться к нему, восстановить свой статус. Эти надежды мелкопоместная знать питала до самой революции.

Дискуссии о французском дворянстве, развернувшиеся с середины 50-х годов XVIII в., свидетельствовали, как далеко зашло общество в переоценке традиционных ценностей. Сопоставляя французскую знать и английское новое дворянство, можно сказать, что первая находилась не в согласии, а в противоречии с условиями существования буржуазии [1, т.7, 22]. Правящая аристократия, привилегированная верхушка феодально-сословного общества Старого порядка поглощала верхи буржуазии, но не образовала с ней единый социальный сплав, а сохранила классовые границы [2, 55—56]. Это узкий слой вельмож-либералов, связанный с верхами буржуазии, и его представления и понятия оставались чуждыми массе дворянства.

Анализ дискуссий XVIII в. о роли и месте дворянства Франции и способах его существования позволяет утверждать, что сопротивление дворянства напору буржуазии и ее идей нарастало. Аббат Куайе и шевалье д'Арк раскрыли в своих произведениях черты социальной психологии французского дворянства в ту пору Старого порядка, когда неведомые враждебные силы уже вели свою разрушительную работу, когда только в прошлом можно было найти опору и оправдать смысл бытия.

Капиталистические общественные отношения рвут скрепы феодально-сословных зависимостей и создают более широкие возможности для морального выбора и формирования новых ценностных ориентиров. От человека требуются такие качества, как инициатива, предприимчивость, независимость, гибкость, готовность идти на риск, а деньги становятся более важным показателем достоинства, чем родовитость и сословная честь.

Вторжение буржуазных, денежных отношений, лицемерие, эгоизм, порочность богатства, побеждающего рыцарский идеал, уходящий в прошлое, фиксируют оба полемиста, ибо буржуазия не видит во всем мире ничего, что существовало бы не ради денег, и сама она не составляет исключения: «Она живет только для на живы, она не знает иного блаженства, кроме быстрого обогащения, не знает иных страданий, кроме денежных, потерь» [1, т.2, 496].

Представления, нормы поведения, предрассудки и пристрастия - мироощущение французского дворянства, проявившееся в идейных поединках середины XVIII в., позволяют приблизиться к пониманию особенностей социальной психологии массы дворянства. Они дают пример и показывают силу обратного воздействия надстройки на ход исторической борьбы [1, т.37, 394]. Догмы социального поведения оказались серьезным тормозом в попытках абсолютизма стать на путь необходимых реформ. Это были своего рода заклинания, ритуалы, направленные на сохранение в неизменности и неподвижности социального организма, уже вовлеченного в процесс необратимых перемен и потрясений.

Тема, рассмотренная в данной статье, вписывается в более широкую картину современных споров о Французской буржуазной Революции, тесно связанных с идеологической борьбой [6].

3. Н. Иванова

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.

2. Адо А.В. Французская буржуазная революция конца XVIII века и ее современные критики. Новая и новейшая история, 1981, № 3.

3. Гордон Л.С. «Торгующее дворянство» аббата Куайе и его «Развитие». Из истории Франции, вып.5. Учен. зап. Башкир ун-та, сер.ист.наук. Уфа, 1974, № 16.

4. История Франция. В 3-х т., т.1. М., 1972.
5. Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой Французской революции. М., 1978.
6. Манфред А.З. Некоторые тенденции зарубежной историографии. Коммунист, 1977, № 10.
7. Монтескье Ш.-Л. О Духе законов. Кн. 20, гл. XXII, XXII. Избр. произв. М., 1955.
8. Собуль А. От террора к Консульству: национальная проблема и социальные реальности. Французский ежегодник. 1971. М., 1973.
9. Шамфор С.-Н. Максимы и мысли. Характеры и анекдоты. М.—Л., 1966.
10. D'Arcq P.A. La noblesse militaire ou le Pairiote francois. Amsterdam, 1756.
11. Argenson R. Journal du marquis d'Argenson. Paris, 1898. 12. Brancourt J.P. Un theoricien de la sosiete au XVIII siecle: le chevalier d'Arcq. D'Arcq P.A militaire.
11. Argenson R Un thoricien de la sosit au XVIII. Revue historique, n. 508, oct.-dec. 1973.
12. Devyve A. Le sang epure. Bruxelles, 1973.
13. Coyer G.-F. La noblesse commercante. Londres, 1'756.
14. Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siecle. De la feodaliteaux Lumieres. Paris rique, n. 508, oct.-dec. 1973.
13. Devyve A. Le sang pur. Bruxelles, 1973. 14. Coyer G.F. La noblesse commercante. Londres, 1'756.
15. Chaussinand-Nogaret G. La noblesse au XVIII siecle. De la feodalite aux Lumieres. Paris, 1976.
16. Encyclopedie, t.XI,p.166; , 1976.
16. Encyclopedie, t.XI, p.1 перевод см. в кн.: История в Энциклопедии Дидро и д'Аламбера. Л., 1978, с.217.
17. Ford F.L. Robe and Sword. The regroupingof theFrench aristocracy afterLouis XIV. Cambridge (Mass.), 1953.
18. Lassigne J. Les Assemblees de France aux XVII et XVIII siecles. Toulouse, 1965.
19. Meyer J. Un problime mal pose: la noblesse pauvre. Ford F.L. ping of the French aristocracy after Louis XIV. Cambridge (Mass.), 1953.
18. Lassigne J. Les Assembles de France aux XVII et XVIII siecles. Toulouse, 1965. Meyer J. Revue d'histoire moderne et contemporaine, t.XVIII, avr. dernier et contemporaine, t.XVIII. juin 1971; Goubert P., Histoire economique et sociale de la France. Paris, 1970, 2 vol.
20. Meyer J. La noblesse bretonne. Paris, 1966, 2 vol. 21.
- Richard G. La noblesse d'affaire.Paris 1971; Goubert P., Histoire economique Meyer J Paris, 1966, 2 vol.
21. Richard G. La noblesse d'affaire. Paris, 1974., 1974.

* См. предисловие П.Шоню к указанной книге Г.Ришара (с.13—14) и заключение автора (с.268). Вопрос об элите в связи с попытками ряда современных буржуазных авторов опровергнуть марксистскую концепцию Французской революции конца XVIII в. рассматривают А.В.Адо в рецензии на статью К.Лукаса (см.: Вопр.истории, 1974, № 8, с.189—191) и С.Ф.Блуменау в отзыве на статью Г.Шоссинан-Ногаре (см.: Вопр.истории, 1977, № 3, с.196—196) и в статье Анналы и проблемы Французской буржуазной революции конца XVIII века. — Вестник МГУ, серия VIII, история, 1978, № 3, с.68—78.

Материалы, близкие по тематике:

[И.Берго. Парламенты и политическая борьба накануне Великой французской революции](#)

И.Берго. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749-1776 гг.

http://enlightment2005.narod.ru/papers/bergo_parlm2.pdf

Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии накануне Революции

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/lebedeva1.pdf>

Л.Пименова. Просвещение и «дворянский расизм»: особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII в.

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/lpimen3.pdf>

[М.Чепурина.Общественное мнение накануне революции](#)

[«НОЧЬ ЧУДЕС»: PRO et CONTRA](#)

[Л.-С.Мерсье. Картины Парижа](#)

[Т.Богданович. Аристократия и народ накануне Французской революции 1789 г.](#)

[Э.-Ж.Сийес. Что такое третье сословие?](#)

[«Чем вы занимались до 1789 года?..» Дворянство мантии, правило или исключение?](#)

[ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ во ФРАНЦИИ в отчетах Толозана, Неккера и Ролана \(при Старом порядке\)](#)

[Агония французского абсолютизма \(глава из коллективной монографии «Французское Просвещение и Революция»\)](#)

[НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: ИЮНЬ 1789 г. \(ПОДБОРКА ДОКУМЕНТОВ\)](#)

[«ДВА ЧЕТЫРНАДЦАТЫХ ИЮЛЯ» \(1789 и 1790 гг. ПОДБОРКА ДОКУМЕНТОВ, ПИСЕМ, ВОСПОМИНАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ И УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЙ, МНЕНИЯ ИСТОРИКОВ\)](#)

[Е.Плимак. Революционный процесс и революционное сознание](#)

[Л.Пименова. Как человек становится революционером?](#)

[СВОДНЫЕ ССЫЛКИ по ПЕРСОНАЛИЯМ](#)